
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

УДК 339.5
DOI 10.31249/espr/2024.01.02

И.А. Чувычкина*

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется трансформация сложившейся модели экспорта и импорта России под воздействием финансовых, технологических и логистических ограничений, обусловленных санкционным режимом. Исследуются изменившийся торговый баланс российско-европейских отношений, возможности и вызовы выстраивания торговых отношений с азиатскими странами, а также возрастающие издержки при приобретении подсанкционных товаров. Особое внимание уделено проблемам посреднической торговли через соседние страны для обхода санкций.

Ключевые слова: внешняя торговля; Россия; санкции; пандемия коронавируса; экономическая адаптация.

Для цитирования: Чувычкина И.А. Адаптационный потенциал внешнеэкономической деятельности России // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 1. – С. 29–42.

I.A. Chuvychkina
Adaptation potential of Russia's foreign economic activity

Abstract. The article analyzes the transformation of the existing model of export and import of Russia under the influence of financial, technological and logistics restrictions caused by the sanctions regime. The changed trade balance of Russian-European relations, the opportunities and challenges of building trade relations with Asian countries, as well as the increasing costs of purchasing sanctioned goods are examined.

* Чувычкина Инна Александровна, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); chuvychkina@yandex.ru

Chuvychkina Inna, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); chuvychkina@yandex.ru

Particular attention is paid to the problems of intermediary trade through neighboring countries to circumvent sanctions.

Keywords: foreign trade; foreign economic activity; Russia; sanctions; economic adaptation.

For citation: Chuvychkina I.A. Adaptation potential of Russia's foreign economic activity // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 1. – P. 29–42.

Введение

Начавшаяся в 2022 г. Специальная военная операция, ужесточение санкционного режима и последовавшие за этим проблемы во внешней торговле привели к нарушению и последующей трансформации сложившейся модели экспорта и импорта России. Санкции оказали существенное влияние на внешнеэкономическую деятельность страны, ограничив доступ к традиционным рынкам сбыта, увеличив соответствующие затраты и уровень неопределенности.

Различные формы государственного воздействия на торговлю часто препятствуют экономическому взаимодействию между странами (особенно в виде тарифов, квот и налогов) и уменьшают выгоды от свободного перемещения товаров или услуг. Экономические санкции имеют похожий финансовый эффект, так как, по сути, представляют собой ограничения, наложенные государством-инициатором на целевую страну. Однако они отличаются с точки зрения их рационализации на основе целей внешней политики (а не внутригосударственной стратегии). При этом санкционный режим определяет снижение общего экономического благосостояния как в государствах-инициаторах и целевых странах, так и в глобальном масштабе [Spindler, 1995, p. 206].

Страны, подвергшиеся санкциям, противостоят введенным ограничениям, используя различные адаптационные стратегии и контрмеры. Усилия государственных и частных акторов при этом направлены на решение юридических и логистических проблем, а также на изучение альтернативных рынков. В целях смягчения воздействия санкций происходит также реконфигурация производственных цепочек и путей поставок, поиск альтернативных поставщиков товаров и капитала, увеличение объема внутреннего производства подсанкционной продукции.

Все перечисленные действия имеют место в России, экономика которой и поведение хозяйствующих субъектов вынуждены адаптироваться к санкционному режиму. Особенно ярко изменения проявляются во внешней торговле страны, наиболее зависимой от решений стран-партнеров. Изучение хода и результатов происходящей трансформации не только весьма актуально, но и практически значимо, так как позволяет проверить и эффективность предпринимаемых мер, и правильность теоретических предположений.

Стратегии адаптации внешнеэкономической деятельности в 2014–2020 гг.

Впервые в своей постсоветской истории Россия столкнулась с торговыми ограничениями в 2014 г. (введенными после присоединения Крыма). Ухудшение внешнеэкономической среды проявилось в нарушении цепочек поставок и экономических связей между Россией и ее западными партнерами. Из-за возросших рисков все иностранные компании стали проявлять особую осторожность в ведении бизнеса с крупными российскими хозяйствующими субъектами. Помимо этого, установленные финансовые ограничения сделали менее доступными международные рынки капитала для российских компаний, усугубив недостаточность у них финансовых ресурсов [Гурвич, Прилепский, 2016].

В целях минимизации негативного эффекта санкций Россия использовала ряд адаптивных стратегий в экспортной и импортной политике. Ответ на введенные санкции включал три взаимодополняющих и пересекающихся компонента: (1) секьюритизацию стратегических областей экономической политики; (2) согласованные усилия по поддержке импортозамещения в стратегических секторах экономики; (3) активное развитие более тесных экономических отношений с незападными странами (особенно азиатскими) [Connolly, 2018, р. 68]. Секьюритизированный подход¹ в экономической сфере применялся в решении таких вопросов, как размер валютных резервов России, объем импорта конкретных продуктов питания, географическое направление торговых отношений страны, степень зависимости от импортной техники и услуг в стратегических отраслях экономики [Connolly, 2018, р. 69].

Как показывают исследования, данные санкции существенно повлияли на двустороннюю торговлю между Россией и ЕС, вследствие чего произошло сокращение западного импорта и экспорта. Несмотря на то что двусторонняя торговля восстановилась через два с половиной года, она так и не вернулась к восходящей линии торгового тренда, сложившейся за предыдущее десятилетие. Следует отметить, что вводимые санкционные ограничения в отношении крупной экономики создают возможности для третьих стран из-за возникающего торгового вакуума. В рассматриваемом случае образовавшийся вакуум создал дополнительные торговые возможности для Китая, что в свою очередь способствовало ослаблению влияния санкций в результате увеличения китайского экспорта в Россию и его импорта из нее [Doornich, Rasputnik, 2020, Р. 359].

При этом в 2015–2016 гг. конкурентоспособность и доля российских несырьевых товаров увеличивалась как в экспорте, так и в части ее валового

¹ Секьюритизация – концепция, созданная в рамках Копенгагенской школы международных отношений, согласно которой применяется определенная риторика в тех или иных вопросах с целью легитимизации чрезвычайных мер по обеспечению безопасности.

внутреннего продукта (ВВП), хотя и во многом за счет значительной девальвации рубля и снижения цен на нефть. Одновременно экспорт России стал более разнообразным – по мере появления новых статей, включая сельскохозяйственную продукцию, электротехнику и другое оборудование. В 2016 г. Россия превратилась в крупнейшего в мире экспортёра пшеницы; поступательно увеличивался также экспорт мяса, масел и других продуктов питания [Borisov, Popova, Rasoulinezhad, 2020, p. 298].

Начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса также оказала значительное негативное влияние на внешнеторговую деятельность России. Существенно снизился экспорт и импорт продукции, произошел разрыв устоявшихся производственно-сбытовых цепочек. Компании сталкивались с проблемой задержек поставок и оплаты от контрагентов, установленные ограничения на международные поездки препятствовали заключению новых договоренностей в рамках личных деловых встреч. Вследствие изменения привычных экономических связей получила развитие тенденция к регионализации цепочек поставок. Данная тенденция усилилась не столько за счет несбалансированности и диспропорции в цепи поставок, сколько благодаря введению ограничительных мер в отношении бизнеса и протекционистской политике многих государств [The role of global …, 2020].

Изменение товарной структуры российского экспорта в период пандемии отчетливо демонстрирует следование этому тренду. Снижение доли минеральных продуктов и повышения удельного веса продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья трактуется в данном случае как следствие меняющейся структуры мирового потребления и перехода на «stay-home economy» [Ушkalova, 2020, С. 50]. Согласно исследованиям, пандемия становилась катализатором сосредоточения глобальных цепочек создания стоимости внутри одного региона. Последнее предоставило бы России новые возможности – при условии снижения торговых барьеров и улучшения условий для внешней торговли и ведения бизнеса в целом. При этом ее сравнительным преимуществом является динамично развивающийся цифровой сектор [Лютова, 2021].

Ужесточение санкционного режима в отношении России в 2022 г. повлекло за собой кардинальную трансформацию структуры ее внешнеэкономической деятельности. Вместе с тем приобретенные в течение пережитых кризисов (экономических санкций 2014 г. и пандемии Covid-19) навыки легли в основу адаптивных методов, механизмов и инструментов во время последовавшей экономической турбулентности и внешних шоков.

Изменения в товарной структуре внешнеэкономической деятельности

В рамках экономических санкций ЕС ввел ряд ограничений на импорт и экспорт в отношении России. В силу ограничений на экспорт европейским предприятиям запрещено поставлять в Россию передовые технологии

(современные полупроводники, электронные компоненты и программное обеспечение); некоторые виды машин и транспортного оборудования; оборудование, технологии и услуги для энергетической промышленности; ряд товаров двойного назначения; химикаты, литиевые батареи и термостаты; предметы роскоши и др. Из-за ограничений ЕС на импорт российские предприятия лишились рынка сбыта сырой нефти (с декабря 2022 г.) и нефтепродуктов (с февраля 2023 г.); нетехнических природных и синтетических алмазов; стального проката и полуфабрикатов (с предоставлением льготного периода до октября 2024 г. для некоторых товарных позиций); древесины и продуктов деревообработки; цемента; спиртных напитков, высококачественных морепродуктов и др. В общей сложности с февраля 2022 г. ЕС ввел запрет на товары на сумму более 43,9 млрд евро, которые могли бы быть экспортированы в Россию, и на 91,2 млрд евро – товары, которые могли бы быть импортированы из России. Таким образом, по сравнению с объемами экспорта и импорта 2021 г. под санкциями находится 49% экспорта и 58% импорта [EU sanctions against … , 2023]. Кроме того, с декабря 2023 г. на европейских экспортёров распространяется запрет на реэкспорт в Россию и реэкспорт для использования в России определенного перечня товаров при продаже, поставке, передаче или экспорте в третью страну.

В силу ограничений на экспорт предприятиям США запрещено поставлять в Россию транспортные средства и их части (кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава); пластмассы и изделия из них; ядерные реакторы, котлы, машины и механические устройства и их части; табачную и алкогольную продукцию и др. [Imposition of Sanctions … , 2022]. В качестве экспортного контроля введен механизм выдачи лицензии для экспорта, реэкспорта и передачи подсанкционных товаров для России. При этом, за некоторыми исключениями, заявки на лицензии рассматриваются в соответствии с введенной политикой отказа (policy of denial).

В качестве ответных мер со стороны России был утвержден перечень товаров и оборудования, попадающих под запрет ввоза и вывоза из страны. Данный перечень затрагивает продукцию медицинского и фармацевтического назначения, промышленное оборудование, сельскохозяйственное оборудование и его составные части, технику и телекоммуникационное оборудование, а также транспортные средства промышленного назначения. При этом решение об экспорте товаров системообразующими организациями принимаются Правительством на основании предложений профильных министерств и ведомств [Постановление Правительства РФ … , 2022].

В результате доля ЕС в российском экспорте за первые восемь месяцев сократилась с 38,9% в 2021 г. до 14,2% в 2023 г., доля США – с 6,8 до 1,2%, а доля Великобритании с 3,3% упала практически до нуля. Доля ЕС в российском импорте за первые восемь месяцев сократилась с 35,8% в 2021 г. до 14,2% в 2023-м, доля США – с 2,2 до 0,2%, а доля Великобритании – с 1,3 до 0,4% [Внешняя торговля … , 2023].

Адаптационные инструменты и меры во внешней торговле России после 2022 г.

Санкции побуждают экономических акторов корректировать свое поведение таким образом, чтобы максимизировать прибыль. С теоретической точки зрения исследователи выделяют три механизма адаптации. Первый, который хорошо известен, – торговое перераспределение, в рамках которого экспортёр просто меняет свою структуру торговли (перераспределяет) и продает подпадающую под санкции продукцию на альтернативных рынках (международном или внутреннем). Торговое отклонение (trade deflection) – второй способ обойти санкции и продолжать продавать попавший под санкции товар на рынок отправителя через сторонних посредников. Третий метод – механизм трансформации продукта. Он заключается в корректировке целевыми экспортёрами производственных процессов с целью производить и экспорттировать аналогичную продукцию, не подпадающую под санкции, или производить и экспорттировать совсем другую продукцию, будь то в страну-отправитель или на третий рынки. Выбор механизма адаптации фирм зависит от динамики рынка и временных горизонтов, в течение которых происходит адаптация [Dizaji, Van Bergeijk, 2013; Veebel, Markus, 2015].

Изменения в товарной структуре внешнеэкономической деятельности в результате введения санкционного режима и ответных мер со стороны России оказали неоднородное влияние на способность адаптации российских предприятий.

Например, запрет ЕС на импорт древесины и продуктов деревообработки привел к потере европейского рынка сбыта российскими компаниями Северо-Западного региона, специализирующимися на лесопереработке и производстве целлюлозно-бумажной продукции. Одновременно под запретом оказались поставки в Россию техники лесохозяйственного и лесозаготовительного назначения, а также оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности. Возможности переориентации лесопродукции данного региона на другие рынки ограничены логистикой и пропускной способностью российских железнодорожных сетей. Вместе с тем внутренний рынок на данный момент не в состоянии в полной мере абсорбировать высвободившуюся продукцию. Как следствие, в 2022 г. наблюдалось снижение объема выпуска древесины (−19,1%), бумаги и бумажных изделий (−9,1%) по сравнению с 2021 г. [Динамика промышленного …, 2022]. В 2023 г. сокращение объемов производства данной продукции продолжилось: по сравнению с 2022 г. уменьшился выпуск бумаги и бумажных изделий (−1,4%), обработка древесины и производство изделий из дерева (−0,2%) [Динамика промышленного …, 2023].

Тем не менее, столкнувшись с новыми вызовами, многие российские компании довольно успешно применили механизмы и стратегии адаптации.

Увеличение объемов прямой и посреднической торговли. Введенные после февраля 2022 г. санкционные меры в отношении России и расширение западного экспортного контроля изменили торговый баланс российско-европейских отношений, а прямой экспорт из ЕС в Россию начал неуклонно снижаться. Одновременно увеличился торговый оборот России с другими странами, особенно соседними. Изменение в модели региональной торговли во многом связано с посреднической торговлей для обхода санкций. Подсанкционные товары стали ввозиться в Россию преимущественно через центральноазиатские страны, что косвенно подтверждается имеющимися статистическими данными (рис.1).

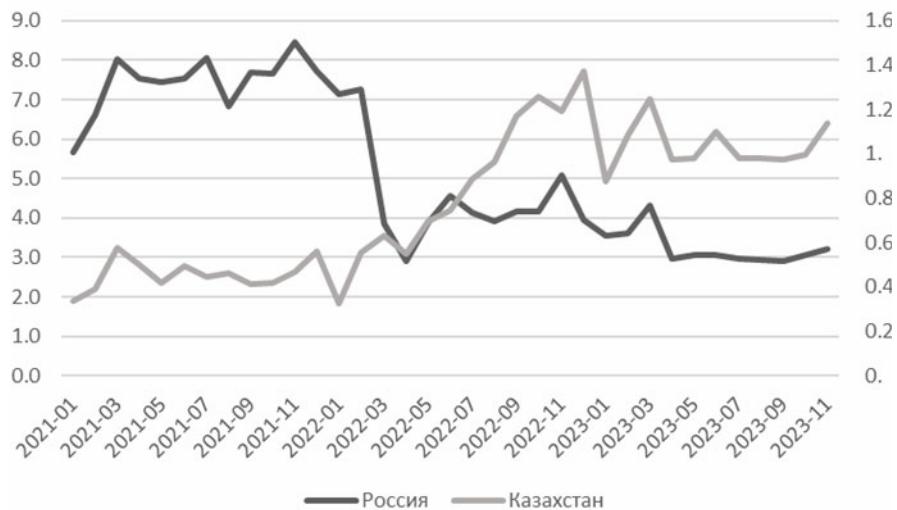

Рис. 1. Экспорт ЕС в Россию и Казахстан 2021–2023 гг., млн евро

Источник: составлено автором по: [EU27, 2023].

В частности, изучение структуры экспортной деятельности Германии показывает рост масштабов ее внешней торговли с дружественными и приграничными с Россией странами (рис. 2). Например, экспорт Германии в Киргизию вырос на 1380% с 4,58 млн долл. в январе 2022 г. до 67,9 млн долл. в ноябре 2023 г. [Aus- und Einfuhr ..., 2024].

Проведенный исследователями из Европейского банка реконструкции и развития анализ убедительно демонстрирует увеличение экспорта ЕС в Армению, Казахстан и Киргизию (страны – члены Евразийского таможенного союза) групп товаров, частично или полностью подпадающих под санкции ЕС, а также товаров, аналогичных санкционным. Экспорт подсанкционных для России товаров увеличился в данные три страны на дополнительные 30% по сравнению с экспортом других товаров. Относи-

тельно изменения экспорта товаров США гораздо меньше данных, свидетельствующих о непропорциональном росте поставок санкционированных товаров в Армению, Казахстан и Киргизию, так как их объемы невелики по размерам и не являются статистически значимыми. В то же время анализ двустороннего ежемесячного экспорта ЕС показывает, что масштабы посреднической торговли ограничены, так как данный тип торговли в основном является инструментом уклонения от тарифов и налогов. Посредническая торговля скорее дополняет модели прямой торговли России с другими (незападными) партнерами [Chupilkin, Javorcik, Plekhanov, 2023].

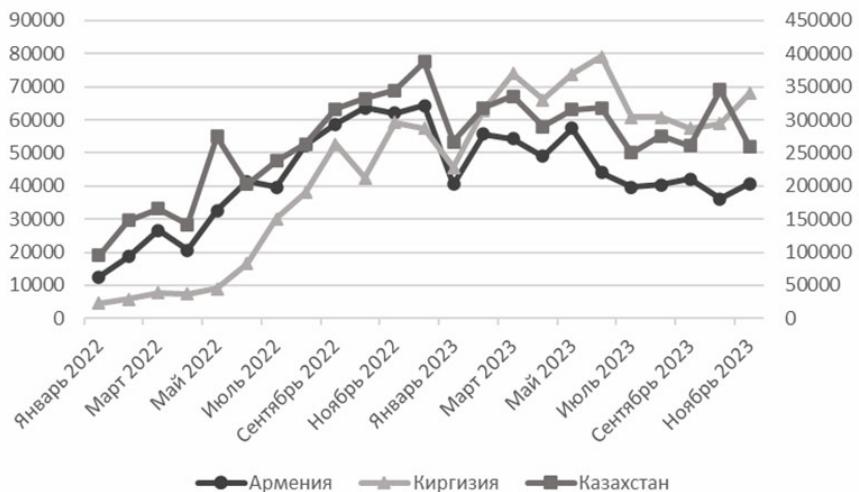

Рис. 2. Экспорт Германии 2022–2023 гг., млн долл. США
Источник: составлено автором по: [Aus- und Einfuhr ..., 2024].

Увеличение объемов прямой торговли России выражается в значительном росте экспорта из Китая и Турции, который во многом замещает ниши, высвободившиеся при введении санкционного режима и добровольном прекращении деятельности западных компаний в стране. Так, по итогам десяти месяцев 2023 г. доля Китая в российском импорте составила 41%, в экспорте – 26%. Китайский экспорт в Россию при этом в денежном выражении достиг 90,1 млрд долл., что свидетельствует о росте на 51% к тому же периоду 2022 г. Эксперты ожидали, что при сохранении данных темпов по итогам всего года российско-китайский товарооборот составит 225 млрд долл., а это на 22% выше показателя 2022 г. и на 60% – 2021 г. [Доля РФ в торговле ..., 2023]. Вместе с тем доля Турции в российском экспорте выросла с 6 до 11,5% и Индии – с 1,6 до 15,2%. При этом импорт из Турции увеличился с 1,8 до 3,7%, а из Индии всего лишь с 1,1 до 1,3% [Внешняя торговля ..., 2023].

Разнообразные схемы ввоза товаров. В 2022 г. ЕС ввел ограничения на грузоперевозки российских компаний по своей территории. Помимо этого, был введен запрет на заход в европейские морские порты для судов под флагом РФ. Иностранные судоходные компании Maersk Line, MSC Mediterranean Shipping Company S.A. и CMA CGM также объявили о приостановлении и отказе обслуживания российских компаний. В свою очередь Россия отреагировала зеркальным образом и установила ограничительный механизм перецепки / перегрузки иностранных транспортных средств. Вследствие установленных санкций были разрушены традиционные цепочки поставок товаров, что потребовало реконфигурации транспортно-логистических направлений.

По данным Ассоциации морских торговых портов, грузооборот морских портов России за 2023 г. увеличился в сравнении с аналогичным периодом прошлого года на 9%: экспортных грузов перегружено на 7,3% больше, импортных грузов – на 9,2%, транзитных – на 11,5%. Также фиксируется повышение спроса на транспортировку по железнодорожным сетям: перевозки контейнеров в январе – сентябре 2023 г. выросли на 13,1% [Внешняя торговля …, 2023].

Отечественные компании стали интенсивнее использовать механизм косвенного реэкспорта, при котором предполагается поставка реэкспортируемого товара напрямую третьей стороне, минуя ввоз на территорию страны-резидента. Механизм «ложного транзита» подразумевает разработку маршрута следования груза в третью страну с обязательным пересечением российской границы, где товар перепродается российскому покупателю и тем самым оседает в стране.

Помимо этого, в России произошла легализация механизма параллельного импорта. В марте 2022 г. был разрешен ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателей. Данная мера способствовала снижению давления на внутренний рынок за счет уменьшения дефицита предложения товаров и поддержания спроса на них. При этом механизм параллельного импорта является регулируемым за счет изменения утверждаемого Минпромторгом России перечня товаров, ввозимых по данной схеме.

Политика импортозамещения. Другой адаптационной мерой для России является политика импортозамещения. Данный механизм был введен и стал одним из элементов экономической политики в 2014 г. Его целью служит замещение импорта продукции, технологий и услуг отечественными решениями для достижения технологического суверенитета и защиты национальной безопасности.

Актуальность импортозамещения повысилась в связи с вызовами, возникшими после 2022 г. Одновременно ее концепция претерпела определенную трансформацию, приобрела новый смысл и значение. Ранее стратегия импортозамещения включала широкий спектр отраслей и проектов. На современном этапе ее фокус сосредоточен на отдельных областях,

которые связаны с национальной безопасностью и экономическим суверенитетом. При этом Россия рассматривает технологический суверенитет как важнейший шаг на пути обеспечения национальной безопасности и развития, а импортозамещение – как основной путь к достижению технологического суверенитета. Стратегия импортозамещения фокусируется на технологиях, услугах, продуктах по ключевым направлениям (национальная безопасность и оборона, энергетика, судостроение, авиастроение и химическая промышленность). Вместе с тем технологический суверенитет не подразумевает изоляцию страны [Shang, Han, Li, 2023].

Реализация концепции импортозамещения ведет к изменению цепочек производств и поставок в России. При этом претворение в жизнь намеченных направлений временно- и ресурсозатратно, а результаты импортозамещения в полной мере проявятся только в среднесрочной перспективе.

Проблемы и вызовы внешнеторговой деятельности России

Новая модель внешнеторговой деятельности России находится в настоящее время на стадии трансформации и все еще не достигла своего нового равновесия.

Так, в связи с введенным санкционным режимом и ограничением трансграничных расчетов произошло увеличение таможенных издержек, страховых взносов и повышение цен на импортные товары. Медианный рост цен на китайский экспорт в Россию при этом составил 78% (за первое полугодие 2023 г. по сравнению с первым полугодием 2021 г.), а для остальных стран рост – на 12%. Медианный рост цен на турецкий экспорт в Россию составил 80% за тот же период (по сравнению с 19% для других стран) [Simola, 2023, р. 11].

Особенно заметно возрастают издержки при приобретении подсанкционных товаров через третьи страны и посредством параллельного импорта. Ценообразование в рамках параллельного импорта зависит от стоимости закупки в стране-контрагенте и от платежей, связанных с таможенными процедурами, а также от расходов, связанных с фрахтом, страхованием груза, перевозкой, и наконец от ставки по кредиту для совершения закупок. При этом параллельный импорт может привести к наплыву контрафакта и снижению ответственности поставщиков за их качество [Параллельному импорту ..., 2023].

Вследствие санкционных ограничений на традиционных рынках многие российские экспортные компании вынуждены были переориентировать географию своих поставок. Однако встраивание, завоевание и упрочение положения на новых, прежде всего восточноазиатских, рынках зачастую осложняется высокой конкуренцией на них и избыточным предложением. Кроме того, значительным препятствием для наращивания объемов поставок российской продукции на новые рынки является ограниченность

пропускной способности отечественных железных дорог в восточном направлении (прежде всего, Транссиба, а также БАМа). Ввиду возросшей потребности в перевозках экспортных грузов в этом направлении требуется значительные инвестиции в расширение их мощности.

В силу того что глобальный спрос на товары российского происхождения снизился из-за санкций, Россия была вынуждена продавать многие из них со скидкой. С одной стороны, это снизило прибыльность отечественного экспорта и доходы российских компаний. С другой стороны, позволило расширить торговые отношения с развивающимися странами. Последние воспользовались возможностями, предоставленными ухудшением отношений России с развитыми экономиками, скupая российские товары по выгодным ценам. Однако вместе с тем развивающиеся экономики (как и другие страны в целом) опасаются преднамеренного нарушения ограничений, введенных против России, и применения инструмента вторичных санкций в отношении них [Simola, 2022a].

Среди вызовов, с которыми Россия сталкивается при трансформации внешнеторговых отношений, следует отметить возрастающую юанлизацию внешней торговли взамен долларизации. В 2014 г. на доллар США приходилось 79,6% расчетов за российский экспорт. Однако в рамках политики снижения зависимости российского финансового сектора от валют западных стран эта доля снизилась к 2022 г. до 55%. В импорте снижение доли доллара составило 5 п.п., что было в основном связано с желанием уменьшить санкционные риски уже со стороны США [Валютная структура расчетов ... , 2024; Минакир Изотов, 2022, с. 21]. Наоборот, за 2022 г. в валютной структуре расчетов за российский импорт доля юаней увеличилась на 17 п.п. В наибольшей степени доля выставления счетов в юанях увеличилась в торговле товарами двойного назначения и промышленной продукции, находящимися под международными санкциями [Exorbitant privilege ... , 2023]. В отличие от доллара юань – более волатильная валюта, не является полностью свободно конвертируемым, а на его курс оказывает влияние политика китайских властей. В связи с этим расширение использования юаня при внешнеторговых операциях создает дополнительные риски для хозяйствующих субъектов.

Значительное ухудшение условий внешней торговли ограничило доступ России к передовым технологиям, в то время как ее возможности импортозамещения в высокотехнологичных отраслях ограничены. Китай мог бы стать для нее альтернативным поставщиком новых технологий, тем более что за последние годы существенно увеличилась его доля в российском импорте, включая высокотехнологичные ресурсы. Отдельный вопрос заключается в том, готов ли Китай восполнять в полной мере выпавший европейский импорт в той или иной сфере [Simola, 2022b].

Можно констатировать, что на данном этапе перед экономикой России возникли серьезные вызовы, которые требуют проявления высокой степени адаптивности, принятия нетривиальных решений и подходов.

Заключение

Вследствие ужесточения санкционного режима были разорваны отношения России с основными западными партнерами и значительно сузилась товарная структура внешней торговли с ними. Вместе с тем произошла географическая переориентация российского экспорта и импорта. Все большую роль во внешнеэкономических связях страны стали играть Китай, Турция и Индия. Одновременно расширились экономические отношения с соседними государствами, в частности со странами – членами Евразийского таможенного союза (во многом за счет посреднической торговли). Адаптационные стратегии отечественных хозяйствующих субъектов были направлены на внедрение и развитие различных схем ввоза и вывоза подсанкционных товаров.

Как показывает исследование санкционного режима в отношении Ирана, экономические санкции значимы в краткосрочной перспективе, но неэффективны в долгосрочной перспективе, поскольку затронутые страны обычно адаптируются к новой ситуации. Даже если экономика находящаяся под санкциями страны переходит в состояние стагнации или рецессии, это не обязательно является результатом их действия [Dizaji, Van Bergeijk, 2013; Veebel, Markus, 2015].

В свою очередь, имеющиеся на сегодняшний день статистические данные свидетельствуют о том, что введенные санкции оказали ограниченное воздействие на макроэкономическое состояние России в целом. Однако они способствовали модификации ее внешней торговли как в разрезе товарных групп, так и географии поставок.

Список литературы

1. Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым контрактам по географическим зонам и валютам государств в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р / Банк России. – 2021. – URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 10.01.2024).
2. Внешняя торговля: друзья и недруги // Монокль. – 2023. – 13.11. – URL: <https://monocle.ru/monocle/2023/04/vneshnyaya-torgovlya-druzya-i-nedrugi/> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. – 2016. – №1. – С. 5–35.
4. Динамика промышленного производства в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики. – 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Динамика промышленного производства в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики. – 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/229429> (дата обращения: 10.01.2024).

6. Доля РФ в торговле Китая не превышает 4% // Коммерсантъ. – 2023. – 26.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426566> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Лютова М. Глобальные производственные цепочки: место для России // Эконс. – 2021. – 21.04. – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/globalnye-proizvodstvennye-tsepochki-mesto-dlya-ro/> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Минакир П.А., Изотов Д.А. Мировые деньги во времени и пространстве: удар по доллару или удар долларом? // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18. № 1. – С. 7–33.
9. Параллельному импорту спрос будет параллелен // Независимая газета. – 2023. – 18.05. – URL: https://www.ng.ru/economics/2023-05-18/1_8727_import.html (дата обращения: 10.01.2024).
10. Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 311 (ред. от 23.12.2023) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 08.03.2022 № 100» // КонсультантПлюс. – 2022. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411231/ (дата обращения: 10.12.2023).
11. Ушкалова Д.И. Влияние пандемии COVID-19 на внешнюю торговлю России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 6. – С. 41–51.
12. Aus- und Einfuhr (Außenhandel): Deutschland, Monate, Länder // Statistisches Bundesamt (Destatis). – 2024. – URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=statistic&levelindex=0&levelid=1706725540704&code=51000#abreadcrumb> (дата обращения: 10.01.2024).
13. Borisov G.V., Popova L.V., Rasoulinezhad E. Modification of Russia's Trade Pattern under External Shocks in 2014 and Beyond // Journal of Economic Integration. – 2020. – Vol. 35, N 2. – Pp. 296–325.
14. Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia / // EBRD Working Paper (number 276). – 2023. – URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/the-eurasian-roundabout> (дата обращения: 10.12.2023).
15. Connolly R. Russia's Response to Sanctions. How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia. – 2018. – Cambridge University Press. – 244 p.
16. Dizaji S.F., Van Bergeijk P. Could Iranian Sanctions Work? 'Yes' and 'No', but Not 'Perhaps' // VoxEU. – 2013. – 01.06. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/could-iranian-sanctions-work-yes-and-no-not-perhaps> (дата обращения: 10.12.2023).
17. Doornich J.B., Raspotnik A. Economic Sanctions Disruption on International Trade Patterns and Global Trade Dynamics: Analyzing the Effects of the European Union's Sanctions on Russia // Journal of East-West Business. – 2020. – Vol.26, N 4. – Pp. 344–364.
18. EU sanctions against Russia explained // European Council of the European Union. – 2023. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (дата обращения: 10.12.2023).
19. EU27 (from 2020) trade by SITC product group // Eurostat. – 2023. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 10.12.2023).
20. Exorbitant privilege and economic sanctions / Chupilkin M., Javorcik B., Peeva A., Plekhanov A. // EBRD Working Paper (number 281). – 2023. – URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/exorbitant-privilege-and-economic-sanctions> (дата обращения: 10.12.2023).

21. Ferguson A.V., Waldron S., Lim D.J. Market adjustments to import sanctions: lessons from Chinese restrictions on Australian trade, 2020–21 // Review of International Political Economy. – 2023. – Vol.30, No. 4. – Pp. 1255–1281.
22. Imposition of Sanctions on ‘Luxury Goods’ Destined for Russia and Belarus and for Russian and Belarusian Oligarchs and Malign Actors Under the Export Administration Regulations (EAR) // Bureau of Industry and Security. – 2022. – 16.03. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/03/16/2022-05604/imposition-of-sanctions-on-luxury-goods-destined-for-russia-and-belarus-and-for-russian-and> (дата обращения: 10.12.2023).
23. Shang Y., Han Y., Li J. New Trends of the Russian Import Substitution Strategy // Contemporary International Relations. – 2023. – No. 1. – Pp. 93-119. URL: <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20230406/6381639405631433858275006.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
24. Simola H. Can Russia reorient its trade and financial flows? // Bank of Finland, Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT). – 2022a. – BOFIT Policy Brief, No. 7. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/266624/1/1824502532.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
25. Simola H. Latest developments in Russian imports of sanctioned technology products // Bank of Finland, Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT). – 2023. – BOFIT Policy Brief, No. 15. – URL: <https://publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/53179/bpb1523.pdf> (дата обращения: 10.01.2024).
26. Simola H. Made in Russia? Assessing Russia’s potential for import substitution // Bank of Finland, Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT). – 2022b. – BOFIT Policy Brief, No. 3. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/253652/1/180107626X.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).
27. Spindler Z.A. The Public Choice of "Superior" Sanctions // Public Choice. – 1995. – Vol. 85, N 3/4. – Pp. 205–226.
28. The role of global supply chains in the COVID-19 pandemic and beyond / Pandalai-Nayar N., Huo Z., Levchenko A., Bonadio B. // VoxEU CEPR. – 2020. – 25.05. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/role-global-supply-chains-covid-19-pandemic-and-beyond> (дата обращения: 10.12.2023).
29. Veebel V., Markus R. Lessons from EU-Russia Sanctions 2014-2015 // Baltic Journal of Law & Politics. – 2015. – No. 8. – Pp. 165–194. – URL: <https://sciendo.com/article/10.1515/bjlp-2015-0015> (дата обращения: 10.12.2023).

Статья получена: 02.12.2023

Одобрена к публикации: 21.12.2023